

Что и требовалось доказать

(Письмо изъ Кіева).

Кіевскій украинскій клубъ закрытъ. Закрытъ навсегда, какъ гласитъ постановленіе губернскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствія, и притомъ съ возбужденіемъ противъ совѣта старшинъ уголовного преслѣдованія. Интересно поэтому подробнѣе остановиться на мотивахъ приведеннаго постановленія и обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ.

Собственно говоря, закрытіе это для людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ закулисной стороной дѣла, вовсе не является неожиданностью. Напротивъ, угрожающіе признаки замѣчались давно, почти съ первыхъ же дней существованія клуба. Благодаря своеобразному вниманію администраціи и шуму, производимому вокругъ украинскаго клуба „доносительныхъ дѣлъ мастеромъ“, пресловутымъ Савенкомъ изъ „Кіевлянина“, чуть ли не сразу же создалась какая-то напряженная атмосфера, заставлявшая подозрѣвать, что тамъ, за кулисами, происходятъ какія-то таинственныя манипуляціи „на предметъ пресѣченія“. Савенко прочувствованно взывалъ: „Посмотрите на эти плахты и прочую этнографію“, разумѣя декорированный въ украинскомъ стилѣ залъ клуба, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, дѣйствительно посматривали и... отмѣчали. Правда, единственно на основаніи „плахтъ и прочей этнографіи“ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ было все-таки мудрено, и вотъ исподволь и подъ рукой собирается соотвѣтственный „матеріалъ“... Онъ нарастаетъ, накапливается, приводится въ извѣстность, пока, наконецъ, не признано возможнымъ приступить къ окончательному акту.

„Кіевскимъ губернаторомъ, — гласитъ сообщеніе обыкновенно очень освѣдомленнаго въ подобныхъ дѣлахъ „Кіевлянина“, — въ виду дошедшихъ до него свѣдѣній о тенденціозной дѣятельности кіевскаго украинскаго клуба и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ“ (!) назначена была въ 1911 г. ревизія

клуба¹⁾. Повидимому, нужныхъ „матеріаловъ“ ревизія не дала, такъ какъ клубъ продолжалъ свое существованіе. Но, какъ видно изъ того же сообщенія „Кіевлянина“,—а ему, въ виду его близости къ полиціи, въ этомъ случаѣ можно вполнѣ довѣрять,—производившій ревизію помощникъ кіевскаго полицеймейстера г. Ворончукъ представилъ совершенно недвусмысленный докладъ о результатахъ своихъ изысканій. Докладъ отмѣчаетъ, что „все дѣло-производство клуба ведется на малороссійскомъ языкѣ“; что цѣль клуба, какъ „мѣста объединенія и культурнаго просвѣщенія украинцевъ“, расходится (?) съ указанной въ его уставѣ; что въ направленіи членовъ замѣчается „стремленіе къ національной обособленности и воспитанію юношества въ этомъ духѣ“, а также „указанія на необходимость идейнаго воспитанія дѣтей“; что, наконецъ, обнаруживается „сочувствіе клуба крайнимъ лѣвымъ политическимъ стремленіямъ, что наглядно видно изъ привѣтственной телеграммы, отправленной клубомъ украинскому просвѣтительному обществу во Львовѣ по поводу засѣдающаго тамъ какого-то малорусскаго конгресса“²⁾. Конечно, столь тяжкія преступленія, какъ „идейное воспитаніе дѣтей“ или же „сочувствіе крайнимъ лѣвымъ“, обнаруженное изъ привѣтственной телеграммы³⁾, взывали къ немедленному возмездію, но... дамокловъ мечъ продолжалъ висѣть, а въ клубномъ залѣ по-прежнему продолжали красоваться „плахты и прочая этнографія“.

Такъ обстояло дѣло до іюня текущаго года, когда,—продолжаемъ по изложенію „Кіевлянина“,—губернаторомъ „въ виду дошедшихъ до него слуховъ о дальнѣйшемъ (?) функціонированіи бібліотеки въ украинскомъ

¹⁾ Интересно отмѣтить, что эта ревизія совпала съ намѣреніемъ—увѣ. не осуществленнымъ—украинскаго клуба устроить торжественное чествованіе памяти Шевченка по случаю 50-лѣтней годовщины смерти опальнаго поэта. Вопли патріотической печати по этому поводу, вѣроятно, еще у всѣхъ въ памяти, и можно предполагать нѣкоторую связь между ними и упомянутой ревизіей.

²⁾ „Кіевлянинъ“, № 284.

³⁾ Г. Ворончукъ между прочимъ приводитъ и текстъ этой преступной телеграммы, свидѣтельствующей въ его глазахъ о неодобрительномъ сочувствіи. Вотъ онъ: „Слава украинскимъ дѣятелямъ на полѣ просвѣтительномъ и экономическомъ. Пусть украинскій духъ объединитъ украинцевъ всего обширнаго міра для совмѣстной работы“. Дѣйствительно, это для помощника полицеймейстера черезчуръ „лѣво“.

клубъ, на что не имѣлось надлежащаго разрѣшенія, было предложено полиціи запечатать эту библіотеку, что и было исполнено“. Итакъ, снова какіе-то „слухи“, и притомъ нужно замѣтить, совершенно неосновательные. При клубѣ не было библіотеки, право на которую, кстати, давалъ ему уставъ; была лишь открыто существовавшая читальня для членовъ клуба. Тѣмъ не менѣ читальня была опечатана, и инспектору типографій г. Никольскому поручено ознакомиться съ ея содержимымъ „для установленія факта, что имѣвшійся въ украинскомъ клубѣ шкафъ съ книгами носилъ характеръ библіотеки“. Конечно, требуемое было г. Никольскимъ непререкаемо установлено...

Помимо этого ужаснаго обстоятельства („библіотека“!) въ запертомъ шкафу г. Никольскимъ обнаружена была американская газета „Свобода“, несмотря на свое названіе, свободно пропускаемая иностранной цензурой, но содержащая недопустимыя по русскимъ законамъ статьи. Эта злополучная, хотя процenzурованная „Свобода“ и была послѣдней каплей, переполнившей чашу административнаго долготерпѣнія. 4-го октября происходила ревизія, а 11-го клубъ обращенъ въ небытіе...

Таковъ фактической остовъ занимающаго насъ событія. За исключеніемъ неосновательныхъ „свѣдѣній“, неясныхъ „слуховъ“ и таковой же цѣнности умозаключеній г. Ворончука, единственно серьезнымъ основаніемъ для закрытія могъ служить фактъ нахожденія лежавшей въ запертомъ шкафу, и потому не читаемой, „Свободы“. Но и здѣсь не совсѣмъ понятно, почему промахъ иностранной цензуры, допускавшей газету къ свободному обращенію въ Россіи, поставленъ въ вину исключительно украинскому клубу?.. Вѣдь если есть здѣсь грѣхъ недосмотра, то недосмотра, такъ сказать, обоюднаго, и потому не слѣдовало ли бы грѣхъ этотъ по крайней мѣрѣ пополамъ разверстать? И если ужъ закрывать украинскій клубъ, то не подумать ли и о закрытіи столь слабо относящихся къ своимъ прямымъ обязанностямъ цензурныхъ учреждений?.. Повторяю, не все понятно въ стремительныхъ дѣйствіяхъ кievскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствія.

Впрочемъ, непонятно лишь съ обычной точки зрѣнія. Тамъ же, гдѣ о степени вредоносности судятъ по „идейному воспитанію дѣтей“, гдѣ такъ внимательно прислушиваются къ неизвѣстно откуда появляющимся слухамъ, гдѣ

серьезно занимаются изслѣдованіемъ вопроса, не носить ли книжный шкафъ „характера библіотеки“,—тамъ предаваться подобнымъ сомнѣніямъ является по меньшей мѣрѣ празднымъ занятіемъ. Счевидно, произошло то, что должно было произойти—раньше ли, позже ли, но непреложно. Дѣйствительность всегда совпадаетъ съ тѣмъ, что написано въ книгѣ судебъ, а означенная книга составляется вѣдь по извѣстному циркуляру объ инородческихъ обществахъ и писаніямъ того или иного Савенка. Слѣдовательно, свершилось; слѣдовательно, „что и требовалось доказать“...

С. Ефремовъ.
